

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-178-195>
<https://elibrary.ru/KGUOWF>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. Н. Л. Виноградская
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

«Журнал» И. В. Вуича как историко-культурный источник

Аннотация: Статья посвящена юношескому дневнику в письмах Ивана Васильевича Вуича (1813–1884), хранящемуся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве. Автор дневника в 15-летнем возрасте приехал из Екатеринославской губернии в Петербург, чтобы поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Год он прожил в столице, готовясь к экзаменам, а в свободное время посещая театры, концерты, выставки, гуляния, праздники. В 1830 г. Вуич был принят в Школу и еще год проучился в ней, а затем в составе гвардейского Конного полка отправился в польский поход. Всего он провел в Петербурге два года (1829 и 1830), в течение которых вел свой дневник («журнал») в виде писем, адресованных родным. Подобный жанр является промежуточным между собственно дневниковым и эпистолярным; от обычного дневника его отличает наличие явно обозначенного адресата, на которого ориентирован текст. В частности, Вуич в своих записях стремится приобщить родных, обитающих в провинции, к занимательным явлениям, увиденным в столице. Таким образом, «журнал» фиксирует множество деталей и характерных черт городской жизни первой трети XIX в., что делает его полезным источником для изучения истории культуры и быта того времени, а также для комментирования художественных произведений и эпистолярных текстов указанного периода, в том числе ранних писем Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: дневник в письмах, культура, повседневность, И. В. Вуич, Н. В. Гоголь, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, провинция, столица.

Информация об авторе: Наталия Леонидовна Виноградская, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>

E-mail: nvinograd@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 20.04.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 05.06.2022

Дата публикации статьи: 25.09.2022

Для цитирования: Виноградская Н. Л. «Журнал» И. В. Вуича как историко-культурный источник // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 3. С. 178–195. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-178-195>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 178–195. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 3, 2022, pp. 178–195. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Nataliya L. Vinogradskaya**
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

I. V. Vuich's "Journal" as a Historical and Cultural Source

Abstract: The article is devoted to the youthful diary in letters of Ivan Vasilyevich Vuich (1813–1884). The diary is kept in the Manuscript Department of the Russian State Library. The author of the diary came from the province to St. Petersburg to enter the School of Cavalry Junkers and Ensigns of the Guard. He lived in the capital for a year, preparing to the examinations and attending theaters, concerts, exhibitions, etc. in his leisure time. In 1830 he entered the School and studied there for another year, and then went with his regiment on a Polish campaign. In total, he lived in St. Petersburg for two years (1829–1830), during which he kept his diary in the form of letters addressed to his relatives. This genre is intermediate between a diary and a letter; it differs from a diary by the presence of a clearly designated addressee to whom the text is oriented. In particular, Vuich in his notes seeks to introduce relatives to the entertaining phenomena of metropolitan life. Thus, Vuich's "journal" represents a lot of details of the city's daily life; this makes it a useful source for studying the cultural history of the first third of the 19th century and for commenting on fiction and epistolary texts of this period, including letters of N. V. Gogol.

Keywords: diary in letters, culture, everyday life, I. V. Vuich, N. V. Gogol, School of Guards Ensigns and Cavalry Junkers, province, capital.

Information about the author: Nataliya L. Vinogradskaya, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9669-2061>
E-mail: nvinograd@yandex.ru

Received: April 20, 2022

Approved after reviewing: June 05, 2022

Published: September 25, 2022

For citation: Vinogradskaya, N. L. "I. V. Vuich's 'Journal' as a Historical and Cultural Source." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 3, 2022, pp. 178–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-3-178-195>

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится весьма примечательный документ — юношеский дневник в письмах Ивана Васильевича Вуича (1813–1884)¹. Автор дневника родился в Екатеринославской губернии в семье полковника Василия Афанасьевича Вуича (1777–1836), боевого офицера, участника многих сражений, командующего Императорским конвоем. По замыслу родителей, сын должен был пойти по стопам отца и стать военным, поэтому его в 15-летнем возрасте отправили в Петербург для поступления в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, но, как выяснилось, он был еще слишком молод для этого, поэтому год он жил в столице, усердно готовился к вступительным экзаменам, занимался историей, географией, математикой, фортификацией, иностранными языками (включая итальянский и английский), упражнялся в верховой езде и маршировке, а также игре на фортепиано и рисовании, а в часы досуга наносил визиты знакомым, гулял по городу, посещал театры, концерты, выставки, лекции и прочие мероприятия. В начале 1830 г. Вуич успешно сдал экзамены и поступил в Юнкерскую школу, в которой проучился еще год, а затем, в начале 1831 г., был выпущен в лейб-гвардии Конный полк, в составе которого отправился в польский поход.

Таким образом, всего в столице Вуич провел два года, 1829 и 1830, в течение которых вел дневник или «журнал» в виде писем, адресованных матери, которые он каждую неделю отсылал домой². Его ежедневные записи — своего рода отчет обо всем, что с ним происходило, предназначенный для родных³.

¹ ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетради 17, 18.

² Письма переплетены в две толстые тетрадки небольшого формата (12,2 × 20,3 мм), каждая из них содержит записи за год.

³ Дневниковые записи сопровождаются прямыми обращениями к родственникам.

Подобный юношеский «дневник в письмах» — промежуточный жанр между собственно дневниковым и эпистолярным [Зализняк: 174; Егоров: 7–8; Михеев: 68–69]. От обычного дневника его отличает, прежде всего, явно обозначенная фигура адресата, на которого ориентирован текст. Так, Вуич в своих записях очевидным образом исходит из ценностей и интересов своей семьи. Например, он стремится приобщить родных, обитающих в провинции, к занимательным явлениям столичной жизни, подробно описывая их в «журнале». Важно подчеркнуть, что рассказ ведет человек очень молодой, неискушенный и любознательный; это придает особую яркость и свежесть его впечатлениям и непредвзятость суждениям; вместе с тем он не лишен наблюдательности и проницательности. Благодаря этому его дневник может служить полезным источником для изучения истории культуры и городского быта первой трети XIX в. В частности, в «журнале» содержится ценный материал для комментария к письмам Гоголя того же периода. Гоголевский ранний опыт столичной жизни во многих отношениях совпадает с опытом Вуича.

Безусловный интерес представляют дневниковые записи юноши о новых знакомых, о среде, в которой он оказался. В Петербурге он сблизился, например, с известным музыкальным семейством Львовых, посещал устраиваемые ими концерты и вечера. Представитель старшего поколения Львовых — Федор Петрович Львов (1766–1836) — возглавлял в то время Придворную певческую капеллу; позднее его сменил на этом посту сын, Алексей Федорович Львов (1798–1870), известный скрипач, композитор, автор музыки гимна «Боже, Царя храни». Встрече с ними посвящена запись в «журнале» Вуича от 31 января 1829 г.: «Истинно редкое семейство, и я надеюсь, что их знакомство будет мне очень полезно. После обеда Алексей Федорович Львов, с которым папинька познакомился за границею, играл на скрипке некоторые русские песни, и — прелесть игры его совершенно невозможно описать. Инструмент в руках его кажется одушевленным. Все тоны так чисты, так сильны, выражение так приятно, что невозможно слышать его без восхищения»¹. На страницах дневника Вуич восхищается атмосферой в «несравненном, добром семействе» Львовых: «Какое множество (за столом сидело более 20-ти особ, и в етом числе, кроме нас и

¹ ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 17. Л. 3–3 об.

двух офицеров, не было никого чужого) и вместе какое согласие. Как все любят друг друга!»¹; рассказывает о выступлении придворных певчих, руководимых старшим Львовым: «Более 70-ти голосов, и все поют так согласно, с таким выражением!»². Один из вечеров у Львовых, на котором присутствовал Вуич, «начался домашним спектаклем», «в оркестре играли два брата Львовы», «после спектакля начались танцы»³. Другое посещение этого семейства Вуич описывает так: «...отправился к Львовым, которые приняли меня с большим удовольствием. Около вечера начали бегать и играть в горелки, кошку и мышку и т. п. После чаю две сестры Львовы, у которых голоса прелестные, пели и играли на фортепиано. Мне было очень весело, но к 10-ти часам начали мало-помалу съезжаться еще дамы, начались танцы; а так как я был в черном жилете и платке, то не только не принял участия в танцах, но скоро и ушел потихоньку. Проклятая мода!»⁴. Молодежь в дворянских домах помимо музыки и танцев нередко развлекалась так называемыми *retits-jeux*, салонными играми. Горелки и «кошка и мышка», упомянутые Вуичем, относились к их числу. Интересно, что в августе 1829 г. на вечере у императрицы Александры Федоровны юный персидский принц Хозрев-Мирза, о котором пойдет речь далее, также забавлялся игрой в кошки-мышки [Фикельмон: 65]. Мода на эту игру нашла свое отражение и в художественных текстах, например, в «Отрочестве» Л. Н. Толстого [Толстой: 105].

Вуич был частым гостем в домах опекавшей его генеральши Александры Тимофеевны Корсаковой (наследницы огромного состояния Тимофея Васильевича Надаржинского, духовника Петра I), генерал-лейтенанта Алексея Николаевича Потапова, служившего в Главном штабе [Месяцослов: 122], баронессы Марии Ивановны Ренне (урожденной Воронцовой).

Вместе с родственниками и знакомыми Вуич посещал концерты и театр, ставший предметом его особого интереса. Столичными театрами грезил многие молодые провинциалы, в том числе и Гоголь еще в гимназические годы. В первом же письме матери из Петербурга

¹ Там же. Л. 8 об.; запись от 14 февраля 1829 г.

² Там же. Л. 22 об.; запись от 23 марта 1829 г.

³ Там же. Л. 142; запись от 13 октября 1829 г.

⁴ Там же. Л. 49; запись от 11 мая 1829 г.

(от 3 января 1829 г.) 19-летний Гоголь с горечью признавал, что из-за нехватки денег вынужден «отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр» [Гоголь 10: 137].

На страницах дневника Вуич с увлечением рассказывает об увиденных спектаклях. Его отзывы весьма показательны: по ним можно судить и об особенностях репертуара тех лет, и о вкусах публики. Так, например, 7 февраля 1829 г. он пишет: «Играли какой-то пантомимный балет, который очень долго продолжался <...>. Декорации прелестные, танцуют удивительно, и я возвратился домой, будучи совершенно доволен, и с головою, наполненной сражениями, кораблекрушениями, пожарами и т. п.»¹. Речь здесь идет о балете Ш. Дидло на музыку К. А. Кавоса под названием «Рауль де Креки, или Возвращение из крестовых походов», который шел на сцене Большого театра в Петербурге в тот день [Зрелища: 1]. В спектакле действительно изображались морская буря и кораблекрушение, пожар, разрушение замка, бегство из тюрьмы, сражения и так далее. Подобное обилие поражающих воображение эпизодов пленяло театральную публику того времени; оно было обусловлено влиянием жанра мелодрамы [Красовская: 150]. Спустя несколько лет Гоголь в статье «Петербургские записки 1836 года» упрекал современный театр в склонности к внешним эффектам и экзотике: «Всё дело в том, чтобы рассказать какое-нибудь происшествие, непременно новое, непременно странное <...>: убийство, пожары, самые дикие страсти <...> Палачи, яды — эффект, вечный эффект...» [Гоголь 8: 182].

Через неделю, 14 февраля 1829 г., Вуич посмотрел нашумевшую постановку шиллеровской трагедии «Дон Карлос»² и записал в дневнике: «Театр был так полон, что нам достались места слишком далеко от сцены, и потому не очень выгодные. Русский театр начинает уже входить в моду; все восхищаются актером Каратыгиным, — и справедливо. Он обыкновенно играет первые роли в трагедиях; и часто — можно даже позабыть, что он не что иное, как актер, что чувства, им выражаемые, не суть его собственные»³. Этот отзыв переключается с оценкой кор-

¹ Там же. Л. 6–6 об.

² Пер. с нем. в стихах П. Г. Ободовского. Премьера в Петербурге 4 февраля 1829 г. [ИРДТ 3: 246–247].

³ ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 17. Л. 8 об.

респондента «Северной пчелы»: «Мы давным-давно не видали на русском нашем театре пьесы, которая была бы так удачно обставлена и разыграна <...> Страсти Дон-Карлоса отвечивались во взорах, видны были в движениях и слышны в голосе г. Каратыгина старшего <...> Он совершенно вникнул в характер Дон-Карлоса» [М–л Я–в: 3]. Об увлечении драмами Шиллера и искусством петербургских трагиков тех лет вспоминал позднее И. И. Панаев: «Как все молодые люди, я был страстный охотник до театра. Мир закулисный казался мне каким-то фантастическим, в высшей степени привлекательным и недоступным миром. По тогдашней моей робости я и не смел думать о знакомстве с Каратыгиным или Брянским, которые доставляли мне своею игрою на сцене неописанное наслаждение. Я не пропускал ни одного представления “Разбойников”, “Дон-Карлоса”, “Коварства и любви” и различных немецких драм Грильпарцера и других, дававшихся в то время. Каратыгин и Брянский, особенно первый, поражали меня своим талантом» [Панаев: 83–84].

Посетив 15 февраля 1829 г. представление опер-водевилей «Женщина-лунатик»¹ и «Обезьяна-воровка»², Вуич написал матери: «И на Харьковском театре комические роли сносны. Вы можете себе вообразить, каковы они здесь. В последней пьесе особенно было много занимательного. Это подражание *Сороке-воровке*, но только гораздо смешнее. Весь театр хохотал в продолжение целой пьесы»³. Такие спектакли, по жанру близкие водевилю, в то время пользовались популярностью и, по выражению Гоголя, «тешили народ средней руки, благо смешлив» [Гоголь 8: 181].

Вуич проявляет наблюдательность и в зарисовках повседневной жизни города. Вот как он описывает Невский проспект: «Здесь беспрестанное движение народа; разнообразие экипажей, одежд, лиц, и

¹ Женщина-лунатик. Опера-водевиль в 3 действиях А. А. Шаховского. Переделка с франц. комедии-водевила в 2 действиях Э. Скриба и Ж. Делавиня «La somnambule» [ИРДТ 3: 255].

² Обезьяна-воровка, или Жертва злобы и ослепления. Опера буффа-водевиль в 1 действии М.-А. Дезожье и Ж.-Т. Мерля (Le singe voleur, ou Jocrisse victime). Пародия на мелодраму «Сорока-воровка». Пер. с франц. Р. М. Зотова. Музыка из оперы Дж. Россини «Сорока-воровка» [ИРДТ 3: 287].

³ ОР РГБ. Ф. 218. № 58. Тетрадь 17. Л. 9.

самых вывесок составляет картину довольно занимательную»¹. Эта «занимательная» картина в какой-то мере предвосхищает знаменитый зачин гоголевской повести «Невский проспект», изображающий калейдоскопическую смену «тысячи непостижимых характеров и явлений» на «всеобщей коммуникации» Петербурга [Гоголь 3: 13, 9]. В дневнике немало и других записей, посвященных петербургским гуляньям и праздникам: прогулкам в Летнем саду², «под вербами» в Гостином ряду («...здесь кроме верб продают всякие игрушки и мелочи, и толпа ужасная, экипажей пропасть...»)³, «под качелями»⁴. О первомайском Екатерингофском гулянье Вуич отзывается так: «...весь Петербург собирается туда глазеть на экипажи, на наряды и на гуляющих. Я никакой приятности не нахожу в таких увеселениях»⁵. О том же писал матери и Гоголь, называя это гулянье особенно «несносным» [Гоголь 10: 140].

Упоминает Вуич и популярные в то время выступления наездников, а также уникального силача Раппо, создавшего «собственный, ни с чем не сравнимый тип представления, полностью составленного из номеров жонглирования, удержания равновесия и поднятия тяжестей» [Селезнева-Редер: 69], описывает праздничные представления в лубочных театрах и балаганах: «...я с Ваней пошел на Адмиралтейскую площадь, где для Масляной теперь поставлено очень много лубочных театров и разных других увеселений. Для первого раза вид многолюдства на площади, и кривлянья паяцов, заманивающих в театры и восхищающих толпу народа, очень интересны»⁶; «после обеда и до самого вечера гуляли <...> около гор и лубочных театров. <...> Более тысячи экипажей в беспрестанном движении. Музыка гремит на балконах театров, паяцы везде приманивают народ; и при всяком их кривлянье громкий хохот раздается по всей толпе»⁷; в балаганах «за два осьмигривенника видели тьму чудес: на канатах делали штуки

¹ Там же. Л. 8; запись от 13 февраля 1829 г.

² Там же. Л. 43 об.-44; запись от 4–5 мая 1829 г.

³ Там же. Л. 26 об.; запись от 4 апреля 1829 г.

⁴ Там же. Л. 31 об.; запись от 18 апреля 1829 г.

⁵ Там же. Л. 41; запись от 1 мая 1829 г.

⁶ Там же. Л. 9 об.; запись от 18 февраля 1829 г.

⁷ Там же. Л. 10 об.-11; запись от 22 февраля 1829 г.

невероятные. — В комических пантомимах нельзя было удержаться от смеха»¹.

Автор «журнала» рассказывает о большом параде на Царицыном лугу², о начале ледохода на Неве и глазающих на него прохожих³, о посещении придворного маскарада⁴ и Эрмитажа: «Сначала вошли мы в обширную галерею, в которой на столах и комодах расположены в ящиках за стеклом различные редкости из минералов, а по местам, огромные яшмовые и фарфоровые вазы. Потом прошли все комнаты с картинами. <...> В одной комнате стоит стол мозаик; но так сделан, что не уступает наилучшей живописи. В другой собраны все редкие, дорогие и великолепнейшие рукоделия. Здесь видел я букет цветов, составленный из самых дорогих камней, и в середине коего находится огромный бриллиант, стоящий несколько миллионов. Тут же из белого воска довольно в большом виде сделан крестьянской дом с скотным двором; но как все натурально! — близь двора на реке плывет в лодке человек, на берегу в сетях видна рыба. <...> В другом шкафе стоят несколько маленьких статуек, представляющих группу негров. У них грудь и живот составлены из одной жемчужины, глаза из бриллиантов, а прочие части тела из золота, слоновой кости и черного дерева. Тут же видел я и огромные часы, представляющие золотое дерево, на котором сидят золотые же: павлин, петух и сова. Внизу золотой кузнечик находится в беспрестанном движении, как бы секундная стрелка. Вы, я думаю, слышали, что при бое часов все три птицы приходят в движение и поют»⁵.

Вучичу довелось побывать и на демонстрации оптических опытов известного петербургского механика Роспини⁶. К числу этих опытов относились забавные «живые картины». Рисунки для них выполнил художник и скульптор Федор Петрович Толстой, вице-президент Академии художеств. По воспоминаниям его дочери Марии Федоровны Каменской, летом 1827 г. Толстой «нарисовал для оптика Роспини,

¹ Там же. Л. 31 об.; запись от 18 апреля 1829 г.

² Там же. Л. 33; запись от 20 апреля 1829 г.

³ Там же. Л. 33 об.; запись от 21 апреля 1829 г.

⁴ Там же. Л. 3–4; запись от 1 января 1830 г.

⁵ Там же. Л. 14–15; запись от 27 февраля 1829 г.

⁶ Там же. Л. 21; запись от 17 марта 1829 г.

с которым они были большие друзья, несколько уморительных панорам или движущихся картин»; их можно было увидеть «на оптических вечерах, которые давал для публики доктор Роспини в своем огромном зимнем помещении на Исаакиевской площади против Адмиралтейства» [Каменская: 133]. «Вот что это были за картины: публика сидела в креслах, и вдруг в зале делается совсем темно, а где-то вдали покажется светлое Пятнышко с булавочную головку, пятнышко это бежит, бежит вперед, растет, растет, обращается в страшную рожу, которая набегает на зрителя, делает ему разные гримасы, точно живая... и вдруг в зале опять темно, и рожи нет, пропала!» [Каменская: 133]. Год спустя Толстой «приготовил для этих вечеров новые забавные штуки»: из могилы поднимался скелет и двигался на зрителя, брякая костями; на задних лапках гуляли «одетые по последней моде две английские собачки», в которых публика узнавала престарелых княжон Е.; «они были похожи, как две капли воды» [Каменская: 133–134]. Вуич был лично знаком с Роспини; 2 марта 1829 г. он записал в дневнике: «...папинька повел меня к Роспини, у которого находятся славнейшие физические и оптические инструменты. Я заговорил с ним по-немецки, потом по-английски, и он так обрадовался, что просил меня ходить к нему почаще, обещая всегда мне показывать действие своих инструментов и познакомить меня с семейством его. Это для меня, кажется, очень будет полезно!»¹. Вскоре Вуич снова навестил механика и посетил его лекцию: «После обеда ходил к Роспини, который пригласил меня прийти к нему в 7 часов, на лекцию физики, и даром! (прочие платят за лекцию по 5 руб.). <...> для меня эта лекция очень была занимательна»². 7 марта 1829 г. Вуич «заходил к Роспини, за очками»³. Фамилия Роспини упоминается и в лицейском дневнике Пушкина 1815 г. [Пушкин 12: 299], и в письме Гоголя Н. Я. Прокоповичу от 24 мая 1835 г.: Гоголь просит друга купить для него у Роспини термометры [Гоголь 10: 366].

В одном из писем родным Иван Вуич уверяет их, что в Петербурге он «научился ходить без усталости», преодолевая пешком огромные, с точки зрения провинциала, дистанции: «Кто знает сколько-нибудь этот город, тот скажет вам, что стоит пройти из Шестилавочной (где

¹ Там же. Л. 16 об.–17.

² Там же. Л. 17 об.; запись от 4 марта 1829 г.

³ Там же. Л. 18 об.

мы живем) на Английскую набережную (к Ал<ексandre> Тим<офеев-не>), оттуда в Главный штаб (к Потап<ову>), потом в Коломну (к Львовым), к обеду домой, а после обеда еще гулять в Летнем саду»¹. О том же рассказывал в письме матери от 3 июня 1830 г. и Гоголь, прожив в Петербурге полтора года: «Нельзя надивиться, как здесь причаешься ходить: прошлый год, я помню, сделать верст 5 в день была для меня большая трудность, теперь же я делаю свободно верст 20 и более и не чувствую никакой усталости. И это здесь вовсе не удивительно, всякой этим может похвалиться» [Гоголь 10: 179].

В 1829 г. Вуич жил у родственников: двоюродного брата Александра Лазаревича Вуича и его жены Екатерины Ивановны, урожденной графини Головиной. Они снимали квартиру в доме купца Калугина, находившемся на Шестилавочной улице². Рассказ о щедром угощении, предложенном как-то постояльцам хозяйкой дома, создает представление о нравах купечества: «...ета госпожа, по обыкновению купчих, запотчивала нас: шеколад, варенье, апельсины, вино, чай, были подаваемы одно за другим и без всякой расстановки. Есть мало также было невозможно, как и отказать от чего-нибудь (кроме вина), и это и для меня даже уже было слишком»³.

В июле 1829 г. Иван Вуич вместе с родственниками совершил небольшое путешествие в деревню Ивановское под Новгородом, где располагалось имение графини Головиной. Обстоятельства этой поездки и детали усадебного быта подробно освещаются в записях этого времени⁴. Тем же летом и в начале осени Вуич гостил на дачах у родных и знакомых и подробно рассказывал в журнале о развлечениях петербуржцев, временно обосновавшихся за городом: «После обеда, часу в 6-м, мы ходили гулять на Елагин остров, а около 8 смотрели у дворца фейерверк, сделанный артиллерийскими офицерами для именинника Наследника»⁵; «В 3 часа мы ходили гулять, подходили к Елагинскому

¹ Там же. Л. 44; запись от 5 мая 1829 г.

² Там же. Л. 123 об.; запись от 2 сентября 1829 г. Шестилавочная улица упоминается в «Женитьбе» Гоголя; на ней живут герои «Двойника» и «Униженных и оскорбленных» Достоевского. Дом купца Калугина (ныне ул. Маяковского, д. 25) сохранился.

³ Там же. Л. 46; запись от 7 мая 1829 г.

⁴ Там же. Л. 90 об.–104 об.

⁵ Там же. Л. 123; запись от 30 августа 1829 г.

дворцу и видели приезд Государя и Государыни <...> После обеда мы опять гуляли; слушали превосходную кавалергардскую музыку, которая играла у Елагинского сада, и возвратились домой в 8-м часу»¹. 5 сентября 1829 г. Вуич описывает праздник Кавалергардского полка — парад и смотр перед Елагиным дворцом: «Государь в алом мундире ездил перед фрунтом верхом, а Императрица, шеф полка, в алом платье и белом клоке, в крытых дрожках»².

Из дневника мы узнаем и о бытовых проблемах, с которыми юноша столкнулся в столице. К их числу относилась, в частности, необходимость пополнения гардероба. 17 сентября 1829 г. Вуич написал матери о том, как справился с одной из подобных трудностей: «...я бросил взгляд на шинель мою; вспомнил, что она мне коротка и что при том серая шинель с бархатным изношенным воротником составляет очень худой вид; в ней бы стыдно было показаться в таком доме, где будет много гостей; о сию пору я обходился без шинели, потому что была постоянно теплая и сухая погода, а теперь уже настоящая осень, что делать? <...> вместо того, чтобы ехать к портному, у которого, только что порядочной плащ, стоил бы от 100 до 150 руб., я поехал в маленькие лавки на гостином дворе и там купил за 65 руб. готовый самый модный плащ а *l'espaniole*, и из гостиного двора ехал уже преважною особой, потряхивая своими кистями»³. Петербургский климат вынуждал заботиться о теплой одежде и Гоголя: впервые оказавшись в столице, он потратил «до 80 рублей» «на переделку шинели и на покупку к ней воротника», а через год сообщил матери, что «не в состоянии был сделать <...> теплого плаща, необходимого для зимы» и «отхватал всю зиму в летней шинели» [Гоголь 10: 137, 170]. Вероятно, позднее эти переживания преломились в одноименной повести.

Наиболее живые и комичные эпизоды «журнала» посвящены приезду в Петербург персидского принца Хозрева-Мирзы со свитой. Юный принц, ровесник Вуича, был направлен в Россию с посольством, чтобы принести извинения за убийство в январе 1829 г. членов российской дипломатической миссии в Тегеране. Сохранилось немало официальных документов, в которых отражены детали этого визи-

¹ Там же. Л. 124; запись от 3 сентября 1829 г.

² Там же. Л. 124 об.

³ Там же. Л. 131.

та, но заметки рядового участника событий позволяют увидеть его в несколько ином свете.

Прибытие принца в столицу породило множество пересудов и толков. Вот как рассказывает об этом Вуич: «Теперь по всему Петербургу один только разговор: о Хозрев-Мирзе, внуке персидского шаха. Вчера была ему аудиенция у Государя; он, говорят, так сконфузился необычайным великолепием, поразившим его взоры, и чуждыми для него обрядами, что смешался несколько раз в говоренной им речи (или, лучше сказать, послании Шаха к нашему Государю, которое, по словам знающих восточные языки, очень хорошо написано и оканчивается стихами. Жаль, что его не сообщат публике). Я еще прежде слышал, что в Москве, на бале Юсупова, етому дикарю понравилась княжна Щербатова, что он просил ее дать ему кусок ее пояса, а на отказ ее кинжалом своим отрезал концы лент ее, и на другой день прислал ей шаль, ценою в 5000 рублей. — Это известие я имею из верных уст, от Чашникова. Впрочем же на етого Мирзу много выдумывают вздоров, да и как может быть иначе, естли весь город, начиная от вельмож и до последнего извозчика беспрестанно об нем толкует»¹. Побывав в гостях у генеральши Александры Тимофеевны Корсаковой и ее дочерей Варвары и Софии, Вуич записал: «...Хозрев-Мирза, со всею свитою своею, проехал верхом на Крестовской остров и тут я его довольно хорошо видел, потому что он проехал мимо самого балкона дачи Алекс<андры> Тимоф<еевны> — тотчас началась суматоха: “Велите запрягать карету! *Barbe!* что ты не одеваешься! *Sophie!* У тебя голова еще не убрана! Боже мой! мы не увидим персианина! Николай Дмитриевич! скорее карету. Ай, ай, скорее, скорее!” Между тем как Александра Тимофеевна не переставала кричать на других, сама она с растрепанными буклями, в домашнем капоте, сдувала пыль с цветков, любовалась ими, пересматривала книги, лежавшие на столе, и тому подобное»².

В гоголевской повести «Нос» имя принца упоминается в связи с фантастическими петербургскими слухами о том, что «в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, <...> что когда еще проживал там Хосрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы» [Гоголь 3: 72]. Дневник Вуича позволяет понять, чем мотивировано это

¹ Там же. Л. 112 об.–113; запись от 11 августа 1829 г.

² Там же. Л. 113.

упоминание: фигура персидского посланника вызывала невиданный ажиотаж, будоражила умы горожан и порождала столь же нелепые слухи, как гуляющий по городу Нос майора Ковалева.

В начале 1830 г. в жизни Вуича произошла важная перемена: он был зачислен в Школу юнкеров и в лейб-гвардии Конный полк. С этого момента он в основном жил в здании Школы — закрытого учебного заведения, был поглощен занятиями, смотрами, парадами; в город его отпускали только по выходным и праздникам. Соответственно, изменилось и содержание дневника: записи за 1830 г. посвящены в первую очередь повседневной жизни Школы. Из них мы узнаем о приемных экзаменах, экипировке воспитанников, о лекциях и преподавателях, среди которых было несколько выдающихся личностей, включая профессора истории и географии Константина Ивановича Арсеньева (1789–1865) и профессора русской словесности Петра Александровича Плетнева (1791–1865). Вуич уделял особое внимание подготовке к их урокам. Из «журнала» следует, что Плетнев приобщал учеников к поэзии Пушкина; в частности, знакомил их с особенностями военного слога на примере пушкинской «Полтавы»¹. С К. И. Арсеньевым, в 1828 г. назначенным преподавателем истории и статистики к наследнику престола, Вуич познакомился еще во время подготовки к поступлению в Школу²; в дневнике он упоминает составленную Арсеньевым и напечатанную специально для цесаревича карту, на которой отображалось «переселение народов средних веков»³.

«Журнал» позволяет судить о нормах поведения, принятых в юнкерской среде. Характерен в этом смысле следующий случай, описанный Вуичем: несколько юнкеров, решив самостоятельно «наказать» товарища, совершившего недостойный, с их точки зрения, поступок, накинулись на него ночью и высекли. Дежурный офицер, присутствовавший при расправе, не решился их остановить, и более высокое школьное начальство не пожелало покарать виновных, посадив под арест лишь пострадавшего от нападения⁴.

¹ Там же. Тетрадь 18. Л. 128; запись от 10 декабря 1830 г.

² Там же. Тетрадь 17. Л. 63 об.; запись от 27 августа 1829 г.

³ Там же. Л. 76 об.–77; запись от 16 июня 1829 г.

⁴ Там же. Тетрадь 18. Л. 103–104 об.; записи от 30 сентября – 3 октября 1830 г.

Хотя в Российском государственном военно-историческом архиве сохранились официальные документы Юнкерской школы, в них не отражены те детали ее внутреннего уклада, которые представляют интерес для исследователей, в частности, для филологов. Дело в том, что в Школе юнкеров в одно время с Вуичем учился друг Гоголя — Александр Данилевский, и дневник Вуича дает материал для комментария к письмам Гоголя Данилевскому, в которых идет речь об этом заведении. Не раз, например, упоминается в записях Вуича учитель географии Близнецов, имя которого называет и Гоголь в письме приятелю от 2 мая 1831 г. [Гоголь 10: 198]. Кроме того, в дневнике Вуича можно найти материал для комментария к письму Гоголя матери от 29 сентября 1830 г., в котором описывается торжество в честь 100-летия двух гвардейских полков, состоявшееся 22 сентября 1830 г.: «Лейб-гвардии Измайловский и Конный полк праздновали на днях столетнее свое существование. Праздник был блистательный; все офицеры, которые когда бы то ни было служили в этих полках, в полных мундирах присутствовали при нем, и солдаты, в первый раз, может быть, от роду, пили шампанское» [Гоголь 10: 184]. Вуич, зачисленный в Конный полк, побывал на празднике и рассказал о нем в дневнике: «...мы <...> вошли рядами в Михайловский манеж, где долго <...> ожидали Государя. Столы были накрыты белыми скатертьми; везде поставлены приборы, очень красиво, и около каждого стола по несколько прислужников во фраках. — Против нас выстроились измайловцы, а на других столах все, кого могли собрать из служивших прежде в обоих полках. Наконец явился Государь Император с Государыней. Они прошли между столов, поздоровались с войском и ушли обедать в другой <...> манеж (берейторский), где был стол для офицеров и генералов. Чрез несколько минут громкое Ура, во всем манеже, возвестило, что пили здоровья Царской фамилии — долго раздавалось оно — музыка гремела; наконец, клики умолкли, и мы расположились обедать. На каждом приборе лежал большой вкусной прибор с говядиной; ему предшествовал штоф пенника на каждые 6 человек. <...> После пирогов подали свежие и отлично вкусные щи с хорошим мясом, потом блюдо жаркого, из говядины, зайцов и другой дичи — наконец, большие пироги с вареньем, всего вдоволь. <...> 3 руб. 50 коп. было употреблено вообще на каждого человека, а их сидело в манеже около 4000, и все остались довольны <...> Каждому была дана бутылка поллива, а на двух бутылка кислых щей и

меду. Во все продолжение стола гремела музыка. После этого Государь еще раз прошел по рядам, простился с людьми — и мы пошли домой»¹.

Стоит отметить, что в Школе юнкеров двумя годами позже Вуича учился М. Ю. Лермонтов, так что сведения о ней интересны и его биографам. Впечатления той поры отразились в лермонтовских рисунках и стихотворных произведениях. Предполагалось, что Вуич послужил прототипом героя «Фаталиста» Вулича (в рукописи он назван Вуичем) [Андроников: 373–374], но затем эта гипотеза была отвергнута [Черейский: 95].

В «журнале» затрагиваются и некоторые события, имевшие общероссийское значение. Это, например, завершение русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Услышав первые «сладостные известия о мире с Турцию», Вуич записывает: «...еще неизвестны условия; ожидают манифеста Государева. Впрочем, должно полагать, что мир будет для нас самый выгодной и что он особенно обрадует наши южные губернии»². Спустя несколько дней Вуич подробно рассказывает о молебствии и марше по случаю окончания войны, состоявшихся на Царицыном лугу³.

Другое масштабное событие, упомянутое в дневнике, — эпидемия холеры. Так, Вуич отмечает 28 сентября 1830 г.: «Единственные разговоры в городе: *о холере*. – В Школе 5 раз в день курят по всем закоулкам уксусом; а скоро станут кропить комнаты какою-то *хлорической* водою. Все фрукты решительно запрещены»⁴.

Из дневника также следует, что в первых числах ноября 1830 г. шла мобилизация российских войск. Об этом свидетельствует запись от 8 ноября 1830 г.: «Всё готовится к войне, полки комплектуются на военную ногу, заготавливаются патроны, пули, снаряды. Но против кого, за кого, когда и где будет эта война и будет ли она еще в самом деле — никому не известно...»⁵. После начала Польского восстания 1830–1831 гг. было принято решение отправить в поход с гвардейскими полками лучших воспитанников Школы, и 17-летний Вуич попал в их

¹ Там же. Л. 100–101.

² Там же. Тетрадь 17. Л. 131–131 об.; запись от 17 сентября 1829 г.

³ Там же. Л. 132 об.–133 об.

⁴ Там же. Тетрадь 18. Л. 102 об.

⁵ Там же. Л. 117 об.

число. На этом завершилось его пребывание в Школе юнкеров, а вместе с тем и тот дневник, о котором идет речь.

Дальнейшая карьера Вуича сложилась удачно, он дослужился до чина генерал-майора [Семевский: 193]. При этом склонность к наукам, которую он проявлял в юности, позволила ему окончить Николаевскую академию Генерального штаба [Глиноецкий: 16, 33 (II паг.)]. Один из его соучеников по Академии вспоминал о нем, как о прекрасно образованном «идеальном» юноше, свободно владевшем несколькими иностранными языками, красавце строгого сербского типа, «с изящными светскими манерами», «умном, скромном, добром и услужливом» [Филипсон: 85]. Позднее Вуич стал профессором тактики в Академии, и в 1850 г. выпустил труд «Малая война».

Приведенные фрагменты юношеского дневника Вуича позволяют представить жизнь человека 20-х–30-х гг. XIX века в деталях и частностях, в повседневных впечатлениях, а не в обобщенных категориях, и тем самым помогают понять многие другие тексты того времени и саму эпоху.

Список литературы Источники

- Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1882. 793 с.
- Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. <Б.м.>: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
- Зрелища // Северная пчела.* 1829. 7 февраля. № 17. С. 1.
- История русского драматического театра (ИРДТ): в 7 т. М.: Искусство, 1977–1987.* Т. 3: 1826–1845. 1978. 350 с.
- Каменская М. Ф.* Воспоминания. М.: Худож. лит., 1991. 382 с.
- М-л Я-в. <Яковлев М. А.> Русский театр // Северная пчела.* 1829. 9 февраля. № 18. С. 1–3.
- Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1829 от Рождества Христова.* СПб.: Имп. Акад. наук; 1829. Ч. 1. 923 с.
- Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 442 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
- Семевский М. И.* Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. 416 с.
- Толстой Л. Н.* Детство. Отрочество. Юность / АН СССР; изд. подгот. Л. Д. Опульская; отв. ред. Д. Д. Благой. М.: Наука, 1978. 527 с.
- Фикельмон Д. Ф.* Дневник. 1829–1837: Весь пушкинский Петербург. М.: Минувшее, 2009. 999 с.

Филипсон Г. И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: В Унив. тип. (М. Катков), 1885. 361 с.

Исследования

Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М.: Худож. лит., 1977. 646 с.

Егоров О. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М.: Флинта: Наука, 2003. 279 с.

Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 162–180.

Красовская В. М. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. Л.; М.: Искусство, 1958. 309 с.

Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 262 с.

Селезнева-Редер И. А. Цирк в Санкт-Петербурге первой половины XIX века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской гос. акад. театрального искусства, 2009. 222 с.

Черейский Л. А. Вуич // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1981. С. 95.

References

Andronikov, I. L. *Lermontov. Issledovaniia i nakhodki* [*Lermontov. Research and Finds*]. Moscow, Khudozhedtvennaia literatura Publ., 1977. 646 p. (In Russ.)

Egorov, O. *Russkii literaturnyi dnevnik XIX veka: Istoriia i teoriia zhanra* [*Russian Literary Diary of the 19th Century: History and Theory of the Genre*]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. 279 p. (In Russ.)

Zalizniak, A. A. “Dnevnik: k opredeleniiu zhanra” [“Diary: towards the Definition of the Genre”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6 (106), 2010, pp. 162–180. (In Russ.)

Krasovskaia, V. M. *Russkii baletnyi teatr ot vzniknoveniia do serediny XIX veka* [*Russian Ballet Theater from its Inception to the Middle of the 19th Century*]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1958. 309 p. (In Russ.)

Mikheev, M. Iu. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiia, XIX–XX)* [*Diary as an Ego-text (Russia, 19–20)*]. Moscow, Vodolei Publ., 2007. 262 p. (In Russ.)

Selzneva-Reder, I. A. *Tsirk v Sankt-Peterburge pervoi poloviny XIX veka* [*Circus in St. Petersburg in the First Half of the 19th Century*]. St. Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg Theatre Arts Academy Publ., 2009. 222 p. (In Russ.)

Chereiskii, L. A. “Vuich” [“Vuich”]. *Lermontovskaia entsiklopediia* [*Lermontov Encyclopediia*]. Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Publ., 1981, p. 95. (In Russ.)